
Лоес Моррен
Имение двух времён

Лоес Моррен

Имение двух времён

«Автор»
2026

Моррен Л.

Имение двух времён / Л. Моррен — «Автор», 2026

Я забронировала старинное имение на десять дней. Николас получил подтверждение на те же даты. Мы решили, что комнат хватит на двоих, а за ужином спустились осмотреть винный погреб. Когда поднялись обратно, за окнами рассвело, с кухни исчезла кофеварка, а хозяином дома оказался граф Трисцан Пинкертоф. И жил он на двести с лишним лет раньше нас.Граф знает, что дверь домой может открыться на тридцатый день. Пока мы с Николасом ищем способ вернуться, Трисцан приглашает меня на бал, и я соглашаюсь на первый танец. На востоке начинается война. Дома меня ждёт подруга, которая до сих пор думает, что я просто уехала в отпуск. И когда под дверью погреба покажется полоска света, у меня будет всего несколько минут, чтобы решить, по какую сторону этой двери теперь мой дом.

© Моррен Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Лоес Моррен
Имение двух времён

Глава 1

Подтверждение приходит, когда я стираю с рисунка три лишние ступеньки. Редактор написал, что дом на иллюстрации должен выглядеть приветливее, и в свои двадцать пять я уже знаю, что это обычно значит: дверь пошире, окна посветлее, путь от калитки покороче. Я как раз поднимаю ластик над крыльцом, когда телефон ползёт по наклонной папке к краю стола. Ловлю его у самого пола и читаю: «Ваше бронирование подтверждено».

В письме указаны десять ночей и завтрашняя дата заезда. Ниже обещают прислать инструкцию для самостоятельного заселения, а слово «целиком» стоит рядом с названием имения прямо в заказе. Я открываю предыдущую переписку, чтобы убедиться, что там действительно было два отказа, и перечитываю оба с удовольствием человека, которому больше не надо на них отвечать. Крышу чинили в мае, фасад закрывали лесами в июле, а теперь я могу приехать и десять дней подряд видеть дом таким, каким его привыкли рисовать до появления строительной сетки.

— Вер, они меня пускают, — говорю я, когда подруга снимает трубку. Она где-то на улице, и у неё в телефоне так громко звенит трамвай, что первые несколько секунд я слышу только его. — То самое имение с садом, которое я тебе показывала. Я сейчас проверю, точно ли списали деньги, потому что в каждом их письме первым делом ищу слово «отмена».

— Пришли мне адрес и время заезда, пока у тебя обе руки свободны, — говорит Вера. Она прикрывает микрофон ладонью, и трамвай наконец остаётся где-то за её спиной. — Помнишь дачу под Тулой, где ты полезла через окно, потому что перепутала дом по фотографии? С тебя ещё снимок из окна, чтобы я знала, какое именно окно понадобится спасателям.

На ту дачу мы ездили вдвоём, и Вера до сих пор умалчивает, что влезла первой. Я пересылаю ей письмо, пока она рассказывает, как будет сама жить в моей квартире всю неделю, поливать базилик и думать обо мне всякий раз, когда заработает соседский перфоратор. До этого дня мы обсуждали мой отпуск главным образом с точки зрения базилика: он единственный из моих домашних обитателей способен засохнуть, если за ним присматривать с излишней нежностью. Договариваемся, что Вера заберёт ключ из ящика на лестнице, и я обещаю прислать фото, как только найду хорошее окно.

Первый рисунок имения я сделала в двенадцать лет, с фотографии на выцветшем календаре. На снимке виднелись две дальние яблони, а за ними стоял дом с таким количеством окон, что мне пришлось прикидывать на линейке, сколько поместится на странице. В конце я дорисовала у двери себя с подносом, и мама спросила, почему я подаю завтрак на улицу в ночной сорочке. Я ответила, что это платье с оборками, но с тех пор куда чаще представляю, как хожу по тому дому босиком и пью кофе у распахнутого окна.

Вечером укладываю в чемодан джинсы, мягкую рубашку, которую всегда беру на дачу, и одно платье с непрактичными рукавами. Рабочий планшет остаётся заряжаться на столе, где я смогу найти его через десять дней примерно в том же состоянии, в каком оставляю себя перед отпуском. Альбом с усадьбами кладу поверх одежды и потом всё-таки перекладываю в сумку через плечо. Чемодан ещё можно сдать в камеру хранения или забыть у двери, а альбом нужен мне уже по дороге.

Почти перед сном приходит инструкция от управляющей, Елены. Кода пока нет: он появится утром, перед выездом, а до тех пор я могу читать о правилах парковки и слушать короткое голосовое сообщение, в котором женщина просит после въезда придержать тяжёлую

калитку. В конце записи у неё кто-то спрашивает, заглушить ли фонтан, и она отвечает, что теперь его можно оставлять включённым. Я ставлю будильник и ещё некоторое время лежу, пытаясь по памяти представить, где относительно яблонь мог бы стоять фонтан.

Утром в булочной у дома я покупаю два круассана, и продавщица загибает край бумажного пакета, чтобы они дольше оставались тёплыми. Такси накатывает к тротуару, пока я застёгиваю сумку, и я успеваю сунуть пакет под локоть, прежде чем браться за чемодан. Водитель смотрит в навигатор и уточняет, действительно ли я еду за старую мельницу, где дорога сужается до одной машины. Я подтверждаю адрес, пристёгиваюсь и держу завтрак на коленях всю дорогу до выезда из города.

За мельницей приходится уступить дорогу молоковозу, и дальше мы едем медленно, прижимаясь к траве на обочине. Я смотрю на яблони за каменной оградой и сначала принимаю верхние окна имения за белые просветы между ветками. Дом показывается целиком на повороте, когда машина почти поравнялась с воротами. У него светлые стены, высокая крыша и две боковые галереи, причём правая чуть короче левой; на моём рисунке они всегда были одинаковыми.

— Давайте дождусь, пока войдёте, — предлагает водитель и ставит чемодан на гравий. Он говорит, что в прошлый раз возил сюда кровельщика, а тот полчаса звонил человеку, который запер ворота и уехал обедать. — Обратно я еду в город. Тут лучше заказывать заранее, особенно если вам понадобятся магазины, потому что местные машины все на школьных рейсах.

Я благодарю его и иду вдоль стены к боковой двери, которую Елена отметила на фотографии красной стрелкой. В саду слышится вода, у нижней ступени розовый куст перегородил проход, и мне приходится взять чемодан в руку, чтобы не зацепить молодые побеги. Одна роза касается моей щеки, и от неё пахнет так сильно, что я невольно возвращаюсь на полшага, хотя водитель ещё ждёт. Под карнизом вижу узкую медную трубу: реставраторы убрали её за выступ старой кладки, и снизу новый водосток выдаёт только блеснувшее на сгибе соединение.

Свежий код уже в приложении, и замок открывается после короткого жужжания. Я машу водителю из проёма, придерживая плечом дверь. Машина разворачивается, на секунду бросает солнце с заднего стекла прямо мне в глаза и исчезает за оградой. После неё слышно, как в доме ровно тикают часы, а вода в саду плещет с неровными промежутками, словно каждый раз попадает на другой край чаши.

Первым делом я ищу кухню, ориентируясь по переставленным на подоконник банкам для муки. Из коридора видна тяжёлая вытяжка над старым очагом, а уже за порогом обнаруживаются электрическая плита, холодильник и кофеварка с большой блестящей ручкой. Кабель от неё идёт в прорезь под столешницей, и рядом лежит карточка с инструкцией, на которой кто-то от руки дописал, что молотый кофе в жестянке с ласточками. Я открываю дверцу холодильника просто потому, что в детских мечтах совершенно не предусмотрела, где в имении держат молоко.

С окном мне везёт уже на кухне. Стоит поднять задвижку и толкнуть деревянную раму, как в проёме умещаются нижняя дорожка, край фонтана и яблоня, под которой стоит пустая скамья. Я опираюсь локтями на широкий подоконник и снимаю вид для Веры, оставив в кадре облупившийся угол рамы, как доказательство, что стою внутри. В сообщении пишу, что до окна добралась дверью и что скамейку мы с ней однажды обязательно займём вдвоём.

Пакет промаслился у шва, и я нахожу блюдо в шкафу, куда ещё не успели сложить современные одинаковые тарелки. Блюдо большое, с зелёным ободком и тонкой трещиной под глазурью, так что мои два круассана выглядят на нём как реквизит для очень скромного праздника. Я ставлю кружку под кофеварку и читаю инструкцию дважды, потому что хотелось бы прожить в историческом доме хотя бы час, прежде чем залить столешницу. Машина вздыхает, дрожит на ножках, и первую струйку кофе я встречаю с таким облегчением, будто приготовила его на углях.

В прихожей позвякивает незастёгнутая дверная цепочка. Следом снаружи хрустит гравий, и я, с удовольствием поднося кружку к лицу, замечаю за своим отражением в стекле ещё одну машину. На пассажирской двери наклейка той же службы, что привезла меня, и водитель уже открывает багажник. Наверное, приехал кто-то из хозяев проверить замок после зимы или показать, как в этом доме закрываются высокие окна.

Из машины выбирается высокий светловолосый мужчина в закатанных до локтей рукавах. Он прикрывает глаза ладонью, смотрит на оба крыла и чуть поворачивается, чтобы разглядеть крышу над галереей; примерно так я сама глазела на дом из машины. Потом он вынимает чемодан, благодарит водителя и дожидается, пока машина отъедет, прежде чем направиться к боковому входу. Я оставляю кружку под кофеваркой и иду в коридор, где снаружи уже раздаётся первый писк клавиатуры.

На третьем сигнале я распахиваю дверь и застаю незнакомца с пальцем над последней цифрой моего кода. Он делает шаг назад, а я успеваю увидеть у него на экране ту же красную стрелку, нарисованную поверх фото косяка. Несколько секунд мы разглядываем друг друга, и чем дольше длится молчание, тем меньше мне хочется начинать разговор с извинения. Всё-таки я уже успела сварить себе кофе и услышать, как за воротами уехало второе такси.

— Вы приехали к Елене? — спрашиваю я, придерживая дверь обеими руками, потому что ветер из коридора толкает её на меня. Мужчина глядит на табличку с номером дома, потом опять на телефон. — Она подтвердила мою бронь, я заезжаю сегодня.

— У меня тоже, — говорит он и наклоняет экран в мою сторону. Большим пальцем он закрывает часть строки, но я вижу слово «целиком» и узнаю фотографию. — Я приехал из города и уже отпустил машину. Можете посмотреть письмо сами, если оно у вас открывается быстрее, чем у меня здесь загружается карта.

Читая название имения вверх ногами, я в первый раз за утро осознаю, что почти ничего не съела. Я открываю дверь пошире и предлагаю обсудить всё на кухне, где по крайней мере есть стол и кофе. Незнакомец аккуратно ставит чемодан у порога, проверяет, что колёса не упираются в стену, и только тогда протягивает мне руку. Его зовут Николас, и на улице он успел нагреть ладони, пока я стояла босиком на прохладном каменном полу.

Я достаю вторую кружку, и он прижимает к столу угол инструкции, который подняло сквозняком. Садимся напротив друг друга и выясняем, что оба приехали в день, указанный в подтверждении, только он взял дом на неделю. Адрес, имя Елены и код одинаковые до последней буквы и цифры, зато номера заявок начинаются с разных букв. Я показываю пальцем на значок над его письмом и сразу нахожу решение хотя бы для этой части загадки: свою бронь я оформляла на другой площадке.

— Может, они занесли дом в оба календаря, а вычеркнули только в одном, — говорит Николас, приближая пальцем фотографию с красной стрелкой. Он отпивает кофе раньше, чем успевает предупредить себя, что горячо, и на секунду зажмуривается. — Давайте отправим всё сразу. Елена хотя бы увидит, что нам двоим выдали один ключ от одной двери.

Я делаю снимки экрана и отправляю их в переписку с Еленой, а Николас пишет через свою площадку и прикладывает моё подтверждение рядом со своим. Через пару минут ему приходит благодарность за обращение, правда, в такой формулировке, что благодарить мог бы и холодильник. Я предлагаю круассан: за то время, что мы сидим за столом, уже успела трижды подвинуть к нему блюдо и трижды притянуть обратно к себе. Он отламывает хрустящий уголок и спрашивает, давно ли я собиралась сюда.

Я рассказываю про отмены и, увлекшись, про календарь с яблонями. Только под конец замечаю, что он давно положил телефон экраном вниз и слушает меня с локтями на столе, будто история идёт к чему-то поважнее удачной брони. Когда я заканчиваю, Николас смотрит в коридор на свой чемодан и собирает с блюдца крошки кончиком пальца. Он говорит, что

вызовет машину, пока ещё есть шанс поймать ту, что высадила его у ворот, и попросит вернуть деньги.

— Водитель сказал, местные машины сейчас на школьных рейсах, — говорю я. Мне и самой становится слышно, как быстро я начала возражать, и я кладу ладонь на распечатку с планом дома. — Тут по ванной в каждом крыле, а кухня одна на весь первый этаж. Можете пока остаться и дождаться ответа, если вам удобно.

Николас рассматривает план, проводит ногтем по длинному коридору и спрашивает, какое крыло я себе уже выбрала. Я указываю на южное, потому что там по схеме три окна в сад и одно на торец дома. Он берёт северное и предлагает поначалу проверять сообщения пореже, чтобы мы оба хоть немного почувствовали себя в отпуске. Мы договариваемся проверить всё ещё раз вечером, стучать перед тем, как войти в чужую комнату, и свободно пользоваться кухней; за этим разговором кофе в обеих кружках почти остыл.

Николас забирает кружку, а в коридоре подхватывает чемодан за боковую ручку. Я беру приветственную папку с планом и иду следом до площадки, где лестница делит дом пополам. Там он дожидается, пока я сверну в южное крыло, и только тогда поднимает чемодан на последнюю ступень. Через минуту я слышу, как его колёса едут по доскам в противоположную сторону, и уже из любопытства считаю, на каком шаге затихнет звук.

Первая дверь южного крыла ведёт в ванную, и я на всякий случай проверяю, как запирается её задвижка. За второй обнаруживаю спальню с тяжёлыми шторами и прохладным воздухом, который пахнет деревом после дождя. Из третьей видны яблони, а у окна стоит низкое кресло, достаточно широкое, чтобы забраться в него с ногами. Я затягиваю за собой чемодан и поворачиваю ключ, оставленный в замке с внутренней стороны.

Кофе успел остыть до той температуры, при которой можно пить большими глотками, и круассан на месте сгиба весь смялся. Усаживаюсь в кресло и принимаюсь есть над блюдцем, хотя крошки всё равно падают мне на колени. Пока завтракаю, жду стука в дверь или очередного уведомления, и только на третьем глотке перестаю представлять, что ещё надо решить до начала отпуска. Отодвигаю телефон и разглядываю, как сбивается узор обоев за шкафом, где полосу приклеили вверх ногами.

Я достаю альбом и начинаю с правого угла оконной рамы, где в дереве осталась дырка от прежней задвижки. У края страницы пробую уместить развилку дорожек, две яблони и хотя бы половину фонтана. С высоты лучше видно, как устроена нижняя чаша. Под ней в мощении есть круглая решётка, на которой застряло несколько листьев, и вода иногда прижимает их к камню, а потом отпускает.

Увидев этот круг на бумаге, я вспоминаю маленький такой же на схеме, где показывала Николасу своё крыло. Папка лежит возле тарелки, и я вытаскиваю лист целиком, чтобы прочитать надпись мелкими буквами у нижнего края. Оказывается, цветными стрелками вход и ванные отметили поверх копии старого чертежа: карандашные линии под ними тонкие, местами совсем бледные. От круга в саду одна из них тянется под кухню и упирается в маленькое помещение, обозначенное как винный погреб.

Провожу по линии тупым концом карандаша, стараясь понять, почему вода из сада должна была идти под дом. Пока разглядываю копию, вода за окном на несколько секунд становится тише, и я слышу, как кто-то хлопает дверцей кухонного шкафа. Вскоре телефон ползёт по подлокотнику от вибрации, и я ловлю его взглядом раньше, чем рукой. Вера прислала мою фотографию обратно, нарисовав над кустами человечка с чемоданом, и подписала: «Первый день, а героиня уже нашла приключение».

Я рассказываю ей про вторую бронь и объясняю, как оба гостя оказались на одной кухне. Вера перезванивает почти сразу и просит сначала показать ключ, которым я закрываюсь изнутри, а потом уже продолжать рассказ про владельца чемодана. Я подношу ключ к камере и обещаю написать, когда хозяева ответят. Про Николаса говорю, что он хорошо слушает, а

Вера на несколько секунд становится совершенно серьёзной и спрашивает, бывает ли у меня в последнее время собеседник, который умеет так делать.

Я смотрю на свой рисунок и переворачиваю страницу, пока ищу ответ. Дома легко найти человека, с которым можно поговорить, если я сама заранее придумала, что скажу, и успела убедить себя, что его это не утомит. Николас просто дослушал историю про яблони, а я, оказывается, уже столько раз пересказала её по дороге сюда самой себе, что успела забыть, каково это говорить её вслух. Вера ждёт, пока я закончу, и потом сообщает, что прямо сейчас пролила полстакана воды мимо базилика, так что удачно дозвонилась до свидетеля своей заботы.

Когда мы прощаемся, солнце уже добралось до моей пятки. Я ещё раз проверяю почту, прячу план между страницами альбома и отпираю дверь. В холле пусто, а из кухни тянет чесноком и чем-то сладковатым, от чего снова хочется есть. Я спускаюсь узнать, пришёл ли ответ Николасу, и к последней ступеньке уже точно знаю, что спрошу ещё и про запах.

Николас стоит у плиты с деревянной ложкой в руке и выбирает из сковороды веточку базилика. Рукава у него по-прежнему закатаны, только возле запястья теперь красная полоска от томатного сока. Я пытаюсь заглянуть ему через плечо, и он отступает ровно настолько, чтобы я увидела густой соус и кастрюлю со спагетти. На столе возле его телефона лежит бумажный пакет с двумя оставшимися помидорами.

— Мой итальянский рецепт, — говорит Николас и снова опускает ложку в сковороду. Я спрашиваю, насколько итальянский, и он на секунду прикрывает глаза, прикидывая, сколько правды поместится в ответ. — Однажды сосед из Болоньи застал меня за тем, как я кипятил томаты на самом сильном огне. С тех пор я даю им время и всегда готовлю на двоих, даже если есть придётся два дня подряд.

Я смотрю на телефон рядом с его локтем и спрашиваю, ответила ли Елена. Пока у него тоже только уведомление о том, что заявка принята, и мы оба на секунду замолкаем, словно можем услышать ответ из соседней комнаты. Потом Николас достаёт из шкафа вторую тарелку и спрашивает, хочу ли я присоединиться, раз уж вода в кастрюле всё равно закипела. Я говорю, что очень хочу, и открываю дверцу узкого шкафа возле окна, где утром заметила бутылку вина с бумажной биркой для гостей.

— На ней написано «с приездом», — говорю я и поворачиваю бирку так, чтобы он прочёл. Николас откладывает ложку, берёт штопор из ящика и протягивает мне ручкой вперёд. — Предлагаю считать это компенсацией за двойное бронирование. Если Елена успеет ответить до обеда, ещё спросим, чья бутылка.

Пробка идёт туго, и Николас придерживает бутылку, пока я тяну штопор обеими руками. Пробка наконец поддаётся, а он на всякий случай ещё секунду держит бутылку. Мы садимся, и я делаю первый глоток уже после того, как пробую спагетти с соусом. Вино кажется терпким, томаты сладкие, а чеснок почти исчез, оставив тёплый запах, к которому хочется вернуться после каждого глотка.

— Если вы всегда так готовите, я зря сразу заняла дальнее крыло, — говорю я и успеваю пожалеть о том, как это прозвучало. Николас опускает взгляд на свою тарелку и по тому, как у него краснеют уши, я вижу, что он услышал примерно то же, что и я. Потом он всё-таки поднимает голову и спрашивает, можно ли нам уже на «ты», раз мы делим кухню и оба знаем код от входной двери. Я отвечаю, что для начала хочу знать, где он спрятал остальной соус, и он пододвигает сковороду ко мне.

Запас продуктов Николас привёз с собой, потому что специально выбрал место, откуда за хлебом надо ехать в деревню. Он хотел завтракать в тишине и хотя бы неделю прожить без звонков о работе. Когда я спрашиваю, часто ли ему звонят в отпуске, он ненадолго задерживает вилку над тарелкой и говорит, что в последнее время звонят даже люди, с которыми он давно уже не работает. Тут вибрирует его телефон, и Николас машинально накрывает его ладонью, а

потом замечает на экране напоминание про покупки и пододвигает телефон так, чтобы я тоже увидела.

На заставке у него снимок воды под пролётом моста, и пока экран не погас, он спрашивает, рисую ли я здания с чертежей. Я рассказываю ему, почему сегодня утром первой заметила водосточную трубу, и показываю карандашный набросок окна. Николас долго разглядывает тёмные линии вокруг нижней чаши фонтана и замечает, что круглая решётка стоит слишком близко к дому для стока, который нужен только в саду. Я достаю сложенную копию и говорю, что, судя по плану, фонтан всегда был на этом месте.

— Погоди, а сама чаша где? — спрашивает Николас и придвигает лист к себе. Мы оба видим кружок и линию к погребу, но у чаши, которую я рисовала из окна, есть ещё широкий внешний край, а здесь его никто не обозначил. — Может, вода здесь уходила под землю, а фонтан поставили над стоком гораздо позже.

Я придвигаю альбом к тарелке и смотрю, где на моём рисунке решётка относительно бортика. Из окна она казалась частью фонтана, но теперь мне самой хочется узнать, что там изображено, потому что лист под моей рукой старше всех фотографий, которые я собирала. Предлагаю прогуляться после обеда и посмотреть, куда ведёт линия, если пройти прямо от чаши к дому. Николас берёт наши тарелки, а я складываю план по прежним сгибам, оставив сверху нужный угол, и жду его у открытой двери, за которой слышна вода.

Глава 2

Николас догоняет меня у края гравийной дорожки и придерживает дверь, пока я примеряюсь, как лучше сложить план, чтобы его не трепал ветер. В тени яблонь земля после недавнего дождя ещё мягкая, и каблук сразу уходит в траву глубже, чем я рассчитывала. Николас подставляет локоть, я опираюсь на него и оставляю на его рукаве отпечаток грифеля. Пока я пытаюсь стереть его большим пальцем, он стоит совершенно смирно, хотя пятно только расползается.

— Можешь оставить, я переживу, — говорит он, когда я наконец отступаю на полшага. На солнце пятно похоже на маленькое облако, и теперь мне хочется дорисовать ему дождь, чтобы всё выглядело намеренно. — Ты за домом пришла или за фонтаном? А то я обещал прогуляться и пока только стою в грязи с поднятой рукой.

Из-под первой яблони видно северное крыло, зато южное почти целиком закрывает куст роз. Я веду Николаса дальше, к скамье, которую утром отправила Вере вместе с фотографией из окна. Отсюда в просвете между деревьями помещается весь фасад, а широкая чаша фонтана висит в воздухе на стройной каменной ножке, потому что её основание скрыто травой. Я показываю Николасу, где наверху моё окно, и он узнаёт его по створке, которую я так и оставила приоткрытой.

У фонтана Николас сворачивает с дорожки, присаживается на корточки и протягивает руку туда, где вода бежит тонкой струйкой по камню. Под нижней чашей два сливных отверстия, хотя из окна я видела только одно, то самое, где под чугунной решёткой набились листья. Николас вытаскивает мокрый черешок, но дальше листья сидят плотно, и он оставляет их в покое. Из второго отверстия доносится ровный звук, будто где-то в глубине льют воду из кувшина в пустое ведро.

— Видишь, куда идёт вода из этой щели? — спрашивает он, показывая мне стык между двумя плитами. Я приседаю рядом и замечаю, что одна из них светлее, хотя шов на ней делает ровно тот же изгиб, что и на старой. — При ремонте новую плиту подогнали под старый край, даже этот зубчик сохранили. Смотри, струя обходит его и ныряет прямо под дорожку к дому.

Николас чертит мокрым пальцем по тыльной стороне своей руки, показывая, как мог бы поворачивать сток под землёй. За обедом он осторожно подбирал слова, когда речь заходила о работе, а здесь забывает даже, что минуту назад обещал просто погулять. Он роняет черешок, ловит его у самой воды и смеётся над собой так легко, что я успеваю тоже засмеяться, прежде чем понять, на что смотрю. На его щеке осталась капля, и он стирает её рукавом, как раз тем местом, где у меня ничего не вышло с пятном.

Я раскладываю план у него на колене, потому что скамейка отсюда далеко, а класть бумагу на мокрый край чаши жалко. На сгибе рядом с погребом проступает дата, и под ней я различаю изображение старого оттиска, который сначала принимала за след от кружки. Там щит с веткой яблони, от которой наискось отломлен маленький сучок; возле излома проступает даже черта, ещё годная для того, чтобы скопировать её карандашом. По году выходит, что план составлен больше двухсот лет назад, когда ни у меня, ни у Николаса ещё много поколений подряд не могло быть причин сюда приехать.

— Могли провести сток раньше, а фонтан поставить над ним, — говорю я, придерживая лист за дальний угол. Мне хочется узнать, почему дату и оттиск отнесли к погребу, хотя на плане полно мест, где для них было бы больше места. — В приветственной папке упоминали старую опись в библиотеке. Сходим за ней, пока ты не полез выяснять, на чём держится сама чаша?

Николас встаёт первым и подаёт мне руку, а когда я выпрямляюсь, забирает у меня план, чтобы я могла стряхнуть с ладони песок. По пути домой я ещё раз оглядываюсь на яблони

и замечаю, что у фонтана вода слышна толчками, хотя со скамьи казалось, будто она падает непрерывно. Николас тоже задерживается у ступени, но только затем, чтобы сложить бумагу по старому сгибу и вернуть мне её сухой стороной наружу. В доме уже прохладно, и мы оставляем дверь закрытой, чтобы страницы в библиотеке не летели со стола.

До библиотеки приходится идти через комнату, в которой стоит диван с такой глубокой спинкой, что я едва удерживаюсь от соблазна проверить, как в нём спится после обеда. Николас находит выключатель за занавеской, но я открываю ставни и вижу, как свет ложится на корешки, а заодно на толстую папку, выставленную отдельно, между двумя латунными упорами. В ней под прозрачной обложкой лежит копия описи помещений, вся в узких чернильных столбцах. Современные пометы вынесены на поля, и в той, что относится к погребу, указано, где хранятся фотографии до ремонта.

Мы успеваем пролистать почти всю папку, прежде чем находим две записи о саде. В одной учтена каменная чаша, снятая для ремонта, а в другой отдельно указана плата за прочистку желоба, ведущего к нижней стене дома. Страницы из двух разных ведомостей, и даты на них разделены десятилетиями, так что наш спор вполне мог бы дожить до ужина. Николас смотрит на часы над полкой и предлагает сначала подняться за фотографиями, пока хорошо видно, куда ставить ноги на чердачной лестнице.

На чердаке пахнет сухой сосной и тканью, которую давно никто не разворачивал. Под слуховым окном стоят сундук с ручками по бокам и коробки от новых светильников, а под самой крышей кто-то сложил снятые карнизы, проложив между ними газетные листы. Я поднимаю крышку сундука и придерживаю её плечом, пока Николас ворочает свёрнутое покрывало, за которым виднеется конверт. Он достаёт его и чуть щурится на пыль, летящую между нами, а я смеюсь, потому что в круглом чердачном стекле мы похожи на людей, застигнутых за разбором чужого приданого.

Первым попадается снимок северной стены с водяным пятном по самую форточку. Потом идут разобранные ступени парадного крыльца, раскрытый желоб и крупный план провалившегося камня, а на самом дне лежит фотография лестницы в погреб. Человек с камерой снимал снизу, почти от пола, и ближний край кадра пересекает тонкая полоска металла, уложенная поперёк плит. Дальше виден щит с той же яблоневой ветвью, только возле сучка тень чётче, и я могу разглядеть крошечную выемку, оттиснувшуюся на плане.

Николас просит поднести снимок к окну и поворачивает его так, чтобы рассмотреть нижнюю часть стены. Там в кладку врезано бронзовое гнездо, а рядом на полу лежит прямоугольный камень с выступающим концом. Пока я удерживаю карточку против света, он закрывает мизинцем щель между ними и показывает, что камень мог сдвигаться вбок почти на ширину ладони. Если придвинуть камень до упора, выступ войдёт в гнездо, как засов, хотя поблизости на фотографии нет даже дверной петли.

— Когда открывали сток, могли уводить воду мимо стены, — говорит Николас и опускает руку, чтобы я опять увидела всё целиком. Он смотрит то на щит, то на узкую полоску на полу, и в конце концов качает головой. — С камнем ещё понятно. Зачем при этом отделять полосой дальний конец погреба, я отсюда тебе не скажу.

Из окна видно, что солнце опустилось до края дальнего поля, и на широких ступенях крыльца уже нет света. Я фотографирую карточку, прячу её в альбом и кладу альбом в сумку через плечо, чтобы не нести в руках по тесной лестнице. Сундук закрывается чуть громче, чем я ожидала, и Николас подхватывает крышку в самый последний момент, с явным запозданием. Когда он предлагает посмотреть, сохранилось ли гнездо, я говорю, что на сегодня с меня загадок хватит и я ещё рассчитываю выпить кофе при свете дня.

Внизу Николас задерживается у библиотеки, чтобы вернуть опись на полку, а я иду к кухне по узкому проходу вдоль стены. До поворота успеваю подумать, что надо написать Вере про сад, и достаю телефон, где поверх фотографии карточки висит так и не прочитанное уве-

домление от площадки. Я успеваю увидеть, что это реклама соседних домов, прежде чем за деревянной дверью справа коротко щёлкает металл. Дверь стоит приоткрытой на два пальца, и я прижимаю её носком, потому что не сразу понимаю, толкнуло её на меня или потянуло внутрь.

— Ты слышал? — спрашиваю я, когда Николас выходит из библиотеки. Он останавливается рядом, и мы оба ждём, пока часы в холле отсчитают несколько ударов, чтобы расслышать, повторится ли щелчок. Когда я снимаю ногу с двери, та остаётся на месте, но от ступеней идёт холодный воздух с запахом камня. Николас смотрит на меня, потом на телефон у меня в руке, и я уже знаю, что никакого кофе мы пока не выпьем.

За нижними ступенями ничего не видно, и у меня сразу возникает нелепая уверенность, что лестница гораздо длиннее, чем позволяет высота дома. Николас толкает дверь ладонью и проверяет первую ступень пяткой, как проверял землю у фонтана. Потом оборачивается и спокойно предлагает мне подождать, пока он посветит снизу своим телефоном. Я почти соглашаюсь, но представляю, как буду стоять здесь и прислушиваться к каждому его шагу, и включаю фонарь.

— Я иду с тобой, только давай медленнее, — прошу я, забирая сумку за спину, чтобы она не соскользнула с плеча. Николас останавливается на повороте, пока я нахожу край следующей ступени. — И скажи заранее, если внизу окажется что-нибудь живое. Мне нужно хотя бы две секунды, чтобы решить, с какой скоростью я буду спасаться.

У конца лестницы он снова ждёт, пока я встану рядом, и я чувствую, как камень под ногами меняется, становится гладким и чуть липким от сырости. Луч выхватывает из темноты бочки на деревянных подставках, низкие своды и клочья паутины, которые вытянулись над одной из бочек до самого пола. На щите у стены яблоневая ветка едва проступает под серым налётом. Я поднимаю телефон повыше и замечаю ниже щита бронзовое гнездо со снимка, а возле него камень, под которым чернеет узкая щель.

Чтобы подсветить гнездо под другим углом, я переношу вес на выступающий край камня. Он поддаётся у меня под ногой и скользит к стене с таким звуком, будто из тяжёлого ящика вытянули железную скобу. Я выставляю руку, Николас ловит меня выше локтя, и мы оба слышим короткий удар, когда выступ входит в бронзовое гнездо. После того щелчка у двери я ожидала, что здесь зазвенит хотя бы пустая труба, но слышу только собственное дыхание.

Я тянусь за камнем, чтобы оставить его там, где он был, но пальцы скользят по гладкому краю. Николас показывает на светлую царапину в плите и говорит, что упор, похоже, двигали и раньше, причём всегда в ту же сторону. Мне хочется спросить зачем, но я уже знаю, что, когда выйдем отсюда, первым делом сверю эту царапину с фотографией.

— Ногу не подвернула? — спрашивает Николас и отпускает мой локоть, когда я дважды наступаю на пол. Я качаю головой, а он берёт у меня телефон, чтобы осветить плиты под ногами. Мне кажется, что сразу за крайней бочкой по стене бежит свежая вода, и я показываю ему блестящий след. Он возвращает телефон и просит глядеть под ноги, потому что бронзовая полоса выступает из пола как раз там, где нам надо пройти.

Я переступаю полосу первой, прижимая сумку к боку, чтобы не задеть обруч дальней бочки. Николас идёт следом, и как только его подошва касается плиты рядом с моей, слабое журчание, которое я принимала за фонтан над головой, обрывается. В тишине слышно, как с рукава на запястье сыплется сухой песок. Я подношу телефон к стене и понимаю, что блестящий след остался от одной широкой капли, уже успевшей скатиться в шов между камнями.

— А теперь я за кофе, — говорю я, потому что мне очень хочется услышать собственный голос. Николас протягивает мне руку, и мы по очереди выбираемся из-за бочки, снова наступая через полосу. У подножия лестницы он останавливается и спрашивает, откуда свет, если выключателя у двери мы даже не нашли. Я поднимаю голову и вижу над верхней ступенью бледный прямоугольник, хотя помню, сколько темнее было в коридоре, когда мы спускались.

Наверху меня встречает холодная полоса света на стене, и я машинально ищу глазами открытую дверь в сад. Солнце почти село за яблони, когда мы были на чердаке, а теперь свет падает с другой стороны дома и тянется по полу к моим ногам. Из двора доносится петушиный крик, затем второй, подхваченный где-то далеко за воротами. Николас выходит вслед за мной и говорит моё имя так тихо, что я оборачиваюсь к нему раньше, чем замечаю, что у стены больше нет выключателя.

Я иду в кухню, потому что это ближайшая комната, где утром сама трогала почти каждую вещь. На месте холодильника стоит узкая кадка с крышкой, а в старом очаге, над которым ещё недавно висела блестящая вытяжка, тлеют дрова. Ни плиты, ни кофеварки, ни наших двух бокалов на столе, хотя я точно помню круглое пятно от вина, которое собиралась вытереть по возвращении. Я кладу ладонь на столешницу и попадаю пальцем в знакомую щербину, только теперь по обе стороны от неё доска выскоблена до белизны.

У чёрного хода звякает ведро, и на пороге останавливается девушка в длинном платье с задранным подолом и в грубом переднике. Несколько мгновений она глядит на мои брюки, потом на телефон, который я так и держу перед собой с включённым фонарём. Я выключаю его, но девушка уже пятится, оставив ведро посреди порога, и кричит, чтобы кто-нибудь шёл сюда скорее. Николас успевает промолвить, что мы можем объяснить, и из-за двери ему отвечают тяжёлые быстрые шаги.

Девушка возвращается с широкоплечим мужчиной в грязных сапогах, прижимающим к груди лопату. Он явно выбежал из середины какого-то дела, потому что на лопате ком мокрой земли, а за оградой двора блеют овцы, которых он уже оттуда окликает по привычке. На Николаса он смотрит настороженно, пока девушка, торопясь, рассказывает, как застала нас у стола. Услышав слово «воры», Николас делает шаг вперёд и оказывается ровно между мной и лезвием лопаты.

— Мы вышли из погреба и сами пытаемся понять, как попали сюда, — говорит он, держа руки на виду. Мужчина смотрит поверх его плеча на открытую дверь, и по тому, как у него двигается горло, видно, что он напуган едва ли меньше меня. — Если хотите, я покажу лестницу. Только сперва опустите, пожалуйста, лопату, а то мы все сейчас начнём говорить громче, чем нужно.

Девушка упирается здоровой рукой в дверной косяк, а другую прижимает к переднику так бережно, что я замечаю красную блестящую кожу у основания большого пальца. На столе возле кадки стоит миска с мокрой тряпкой, брошенной прямо в воду, и, судя по тому, как девушка на неё смотрит, мы помешали ей заняться свежим ожогом. Я прошу Николаса отойти на полшага и осторожно подвигаю миску к краю стола. Девушка следит за моей рукой и всё-таки подходит, чтобы взять тряпку, хотя лопата пока остаётся на весу.

— Мы ничего не брали, — говорю я, расстёгивая сумку ровно настолько, чтобы показать верх альбома. Девушка прижимает мокрую ткань к ладони и спрашивает, почему на мне мужские штаны, если я просто вышла из погреба. Я в первый раз вижу собственные джинсы её глазами и понимаю, что могу назвать цену, магазин и размер, а ответ всё равно не поможет. В этот момент над нами скрипит половина лестничного пролёта, и мужчина с лопатой быстро отступает к стене.

Со второго этажа спускается темноволосый мужчина в жилете, застёгнутом до горла, с накинутым поверх тёмным сюртуком. Он замечает мокрый след у порога и спрашивает девушку, сильно ли она обожглась, так буднично, словно никто ещё не успел произнести слово «воры». Потом поднимает глаза на Николаса, задерживает взгляд на швах его рукавов и переводит его на мой телефон. Я жду ещё одного вопроса про одежду, но он спрашивает только, оба ли мы поднялись по каменной лестнице.

Николас говорит, что оба, и мужчина на секунду прикрывает веки, точно получил подтверждение тому, чего предпочёл бы не знать. Девушку он называет Мартой и велит ей остаться

у воды, пока не перестанет жечь, а пастуха просит вернуться к овцам и впредь оставлять лопату у порога. Тот ставит её к стене, забирает с прохода ведро и выходит во двор почти с облегчением. Марта ещё смотрит на наши ноги, но придвигает миску к себе и уже не зовёт никого на помощь.

— Пойдёмте в гостиную, здесь холодно от двери, — предлагает хозяин, поворачиваясь к нам. Он говорит спокойно, а на мой вопрос о кофеварке отвечает, что, кажется, догадывается, почему я её ищу, и предпочёл бы объяснить это без свидетелей. Николас ждёт, пока я кивну, и мы идём за хозяином вдоль знакомой стены, где теперь висит связка ключей на железном крюке. За дверью гостиной мужчина уступает мне дорогу, и я снова вижу тот глубокий диван, только ткань на его спинке ещё красная.

Хозяин сдвигает со стола блюдце с воском и называет себя графом Трисцаном Пинкертофом. Я жду, что он добавит ещё какие-нибудь слова, по которым можно будет понять, что отвечать графу, но он только спрашивает наши имена. Николас представляется первым, и я повторяю своё имя дважды, потому что в первый раз говорю слишком тихо. Трисцан произносит «Карина» так же, как произнесла я, и придерживает спинку стула, пока я сажусь.

— Скажите, откуда у вас эта вещь, — просит он, кивнув на телефон. Я объясняю, что купила его в магазине, и показываю экран, где в углу видны дата и время. Когда граф замечает год, я жду, что он потянется за телефоном или попросит доказать, что цифры настоящие, но он берёт со стола ключ и отпирает маленький ящик. Из ящика он достаёт сложенный лист и расправляет его перед нами так осторожно, будто от сгибов может отлететь бумага.

На листе рукой Трисцана записано, что однажды на рассвете из погреба вышел человек в короткой куртке с металлической застёжкой по всей длине. Он назвался Антоном и сказал, что приехал из города, где за двести с лишним лет на месте усадебных земель появились улицы и дома. Ниже гораздо более тёмными чернилами приписано, что на тридцатый день гость снова спустился по лестнице и наверх не вышел. Трисцан говорит, что пошёл за ним в погреб и нашёл там только бочки, свечу возле дальней стены и камень, придвинутый к бронзовому гнезду.

— Значит, вы думаете, он вернулся к себе? — спрашиваю я, глядя на приписку. Граф отвечает, что обошёл весь погреб, а единственную дверь всё это время видел со своего места на лестнице. Николас наклоняется над листом, и я замечаю, что он, как и я, возвращается взглядом к словам про камень.

— Тогда мы зря сидим, — говорю я, поднимаясь со стула так резко, что всё-таки скребу ножками по полу. Трисцан кладёт ладонь на лист и смотрит на меня, а Николас уже поворачивается к двери. — Я знаю, куда он двигал камень, потому что сама только что его сдвинула. Покажите, как отсюда выйти к лестнице, и дайте нам попробовать сейчас.

Трисцан берёт свечу в кухне и спускается первым, пока я веду ладонью по стене, которую мы недавно освещали телефоном. Камень стоит в гнезде, бронзовая полоса чуть темнее остального пола, а за крайней бочкой по-прежнему тянется влажный след. Николас помогает мне отодвинуть упор и снова придвинуть его до щелчка, после чего мы оба переступаем полосу. Трисцан ждёт на ступенях со свечой, и я постепенно перестаю надеяться, что пламя погаснет или хотя бы дрогнет.

Я поднимаюсь на кухню первой и вижу, что Марта отодвинула миску от края стола и успела положить в очаг ещё два полена. С крыльца уже слышен голос пастуха, гонящего овец прочь от ворот, а на месте кофеварки поднимается пар от медного чайника. Я достаю телефон, нахожу имя Веры и звоню, хотя в углу экрана ни одной полоски связи. Николас ждёт рядом, пока я пробую ещё раз, а потом напоминает, что у нас есть фотография подвала и мы можем проверить остальные детали, когда немного придём в себя.

— Антон тоже пробовал несколько раз, — говорит Трисцан, когда мы возвращаемся в гостиную. Он ставит свечу на блюдце и признаётся, что знает день, в который это сработало, а из слов Антона помнит обрывки, потому что до конца считал его рассказ о будущем горя-

чечным бредом. — Я спрятал записи от соседей, когда по округе пошёл слух, будто в погребе пропадают люди. Мне было проще сказать, что уехал один случайный гость, чем потом объяснять, почему у ворот стоят любопытные.

Граф предлагает две комнаты и одежду, в которой можно спокойно выйти из дома. Николас спрашивает, у кого будет ключ от погреба, и я благодарна ему за то, что он произносит именно тот вопрос, который я ещё собиралась смягчить. Трисцан говорит, что дверь обычно запирают только на ночь, но для нас он распорядится оставить её открытой. Я прошу ещё бумаги самого Антона и говорю, что останусь, если смогу их прочесть и спускаться к полосе всякий раз, когда сочту нужным.

— Погреб в вашем распоряжении, — говорит Трисцан. Он обещает дать мне все листы, какие сохранились, и сам проверить, куда убрали остальные бумаги Антона. Я смотрю на Николаса, и тот чуть кивает, так что я благодарю графа и соглашаюсь остаться. Сверху, в точности там, где утром я слушала колёса чемодана, раздаются шаги, и я едва удерживаюсь, чтобы не спросить у неё, кто сегодня спал в моей комнате.

Глава 3

Шаги наверху стихают, а потом Марта появляется в дверях гостиной с двумя свёртками на здоровой руке. Граф успевает сказать, что нам приготовили комнаты, прежде чем она замечает мой взгляд и поправляет повязку у большого пальца. Она предлагает начать с южной спальни, потому что там уже растопили камин, и произносит это с таким видом, будто утром я застала её на моей кухне, а теперь мы квиты. Николас берёт у неё верхний свёрток, и я иду за Мартой по лестнице, второй раз за одно утро пытаясь понять, где оставила чемодан.

На площадке Марта показывает Николасу дверь в северном коридоре, а мне придерживает створку напротив. Первым я вижу своё окно, затем узор обоев за шкафом, где в полосе с листьями пока всё растёт в правильную сторону. Кресло стоит ближе к камину и обтянуто светлой тканью, которую я машинально боюсь запачкать, хотя уже успела сесть на край. В замке изнутри висит ключ, и я так крепко сжимаю его в руке, что Марта предлагает сперва запереться, а уж потом смотреть, во что меня можно переодеть.

— Я поселилась здесь, когда приехала, — говорю я и тут же слышу, как странно это звучит. Марта выкладывает на кровать платье, сорочку и нижнюю юбку, тщательно разглаживая рукав платья ладонью. — Возле окна стояло кресло с тёмной спинкой, и я оставила на нём альбом. А теперь ключ даже не заедает, хотя до погреба его приходилось доворачивать двумя руками.

Марта отвечает, что ключи недавно смазал управляющий, и спрашивает, не слишком ли мне узко будет в плечах. Серое платье принадлежит ей, живёт обычно в сундуке до воскресенья и оказалось единственным, у которого можно немного выпустить шов, не порезав ткань. Я пытаюсь застегнуть его сама, стягиваю две петли к одной пуговице и через минуту стою с поднятыми руками, пока Марта распутывает то, что я наделала. Когда она велит повернуться, мы встречаемся глазами в зеркале, и она уже улыбается, хотя изо всех сил старается заняться воротом.

— Если спросят, вы с господином приехали к графу издалека, а вещи обещали доставить позднее, — говорит Марта, затягивая ленту на рукаве. Я спрашиваю, почему она согласилась помочь после того, что было на кухне, и она какое-то время тщательно расправляет складку у моего локтя. — Граф сказал, что вас ждут за столом, этого мне хватило бы. А миску вы мне подвинули ещё до того, как он спустился, так что платье я всё равно бы принесла.

Мне хочется спросить, верит ли она, что мы вышли из другого времени, но Марта уже собирает мои вещи с кровати и предлагает оставить их в сундуке под окном. Я соглашаюсь хранить там джинсы, а сумку с альбомом оставляю при себе и заодно проверяю, на месте ли телефон. Перед выходом мы условливаемся, что я буду представляться просто Кариной, дальней знакомой графа, и скажу о багаже лишь в том случае, если о нём спросят. Марта советует мне сперва оглядеться за столом, а уж потом решать, сколько стоит о себе рассказывать.

Николас ждёт на площадке в жилете, который застегнулся на нём только до середины, и с удивлением оглядывает меня с головы до ног. Я показываю на его незастёгнутую пуговицу, он дёргает край жилета и шепчет, что в его спальне даже трещина над окном осталась той же. Свою современную одежду он оставил на стуле так аккуратно, словно утром собирался снова в неё одеться. При этих словах мне вдруг хочется вернуться за джинсами и положить их рядом с подушкой, где утром можно будет нащупать их, не открывая глаз.

Внизу Трисцан сам выходит к нам из столовой и спрашивает, подошло ли платье. Я признаюсь, что с застёжками мне помогали, и он говорит, что серый цвет удивительно идёт моим глазам, особенно при свете из лестничного окна. Я успеваю ответить, что при таком свете даже на пыльных ступенях хочется рисовать, но Николас перебивает меня вопросом о дороге до

ближайшего города. Он смотрит на пряжку у себя на рукаве именно тогда, когда я поворачиваюсь к нему, и меня задевает это сильнее, чем его внезапная торопливость.

Граф объясняет, что до города несколько часов верхом и оттуда можно послать письмо почти в любую сторону. Николас кивает, хотя спрашивал он, кажется, совсем о другой связи, и теперь я тоже думаю о Вере, которая ждёт известий с того самого обеда. За столом мы обсуждаем, когда можно заняться бумагами Антона, и Трисцан обещает начать поиски с письменного стола в кабинете и старых хозяйственных книг. Уходя после завтрака, Николас придерживает передо мной дверь и предлагает завтра спуститься к фонтану перед закатом, пока у нас ещё свежо в памяти всё, что мы делали вчера.

На следующий вечер Николас ждёт меня возле погреба с двумя огарками, тряпицей и куском мела. Пока я достаю телефон для сверки, он раскладывает всё на подоконнике и придерживает свечу так, чтобы я видела обе руки. Я спрашиваю, откуда мел, и он признаётся, что выменял его у управляющего на обещание починить перекошенную защёлку. К тому времени он уже ослабил петлю, так что защёлка теперь закрывается, если знать, куда нажать коленом.

У каменного упора мы проводим первую метку там, где лежит его край, и вторую там, где он упирается в бронзовое гнездо. Николас ставит свечу на нижнюю ступень и наклоняется к экрану, пока я открываю снимок со старой карточки, сделанной до реставрации. На фотографии полоса уходит левым концом под стену, а здесь конец виден целиком, потому что у дальней бочки ещё нет заплаты из цемента. Я рисую этот край в альбоме, и Николас просит оставить возле него место для отметки, если при движении камня полоса хоть немного поднимется.

— Подожди, я в прошлый раз встала вот сюда, — говорю я и ставлю носок на угол плиты. Николас повторяет, где был сам, и мы пробуем восстановить всё до того, какой рукой я держала телефон, хотя обеим моим рукам всё равно не хватает вчерашней уверенности. — Там, по ту сторону, фонтан был слышен даже внизу, а сейчас я слышу только капли у стены. Давай сначала поймём, откуда идёт вода.

Мы выходим в сад, где в западных окнах догорает отражение солнца, и обходим чашу со стороны роз. Здесь у её основания две каменные щели, но одна пока без решётки и прикрыта съёмной доской, а вода из второй течёт в желоб к дому. Николас приподнимает доску на секунду, я слушаю и узнаю глухой звук, который слышала в саду перед тем, как мы пошли в библиотеку. Потом он возвращает доску на место и показывает пальцем туда, где желоб ныряет под стену, словно мы опять стоим на той же дорожке после спагетти.

В погребе Николас несколько раз двигает упор, пока я стою у ступеней и прислушиваюсь к воде. Ближе к крайней отметке журчание становится ровнее, и на мгновение я уверена, что за спиной дрогнул свет из коридора. Оборачиваюсь слишком быстро, задеваю камень юбкой и вижу ту же свечу на ступени, от которой просто отогнулось пламя. Мы всё-таки переступаем полосу, сначала я, потом Николас, и долго стоим за дальней бочкой, пока холод от плит не пробирается сквозь подошвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.